

Александр Вельтман

Кощей бессмертный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В28

Вельтман А.
В28 Кошей бессмертный / Александр Вельтман – М.: Книга по Требованию, 2012. – 166 с.

ISBN 978-5-458-03727-3

Вельтман начал свою литературную деятельность в 1830 г. и продолжал ее до самой смерти, хотя после упадка романтизма в 40-х гг. практически лишился читателей. Восхитительно-читабельный стиль Вельтмана основан на Стерне, Жан Поле и немецких романтиках. Его свободно построенные рассказы являют смесь воображения и игриво безответственного юмора и изобилуют стерновскими приемами разрушения иллюзии повествования. Они полны учености, излагаемой иронически, чисто по-стерновски.

ISBN 978-5-458-03727-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Часть первая

I

Слишком за четыре столетия до настоящего времени, в Княжестве Киевском, в селе Облазне, за овинами, на лугу, взрослые ребята играли в *чехорду*.¹

— Матри, матри, Вась! — вскричал один из наездников, рыжий молодец; надулся, размахнул руками, раскачался, бросился вперед, как испуганный тележок, и — скок через восемь перегнутых в дугу спин.

— А! на девять сел! — вози! — раздался голос из-за забора.

Этот голос был знаком нашим наездникам. Все выправились и сняли шапки перед баричем.

— Ну! ты, Ионка, — колесница, ты, Юрка, — конь! — вскричал он и длинным арапником вытянул коня вдоль спины, а другим ударом смазал колеса у колесницы.

Ион и Юрка зачесали голову, стиснули ясные очи, развесили губы; крупные слезы брызнули как из родника. Барич не смотрел на их прискорбие. Юрку взнуздal он длинной тесьмой, которую всегда носил с собою, на всякий случай, вместо вожжей, вместо своры и вместо узды; выправил ее, вскочил на спину Иона, хлопнул бичом по воздуху, свистнул, гаркнул: "На дыбы! катись!" — и отправился вдоль по селению.

Крестьяне кланялись в землю баричу, будущему своему господину-милостивцу.

Это обстоятельство осталось бы, верно, в забвении, подобно многим, по наружности ничтожным, а в сущности важным обстоятельствам, на которые История не обращает своего заботливого внимания, если б я не последовал иступленной моде писать Романы и не подражал Апулею, Петронию, Клавдию Албинию, Папе Пию 11-му, Гелиодоту и всем, всем древним, средним и новым романистам.

Бедный читатель! Кто не пользовался твоею слабостью, твоей доверчивостью! Кто не водил тебя по терниям слога, по развалинам предмета, по могилам смысла, по пучине несообразностей?

Баричу было уже лет около двадцати от роду. Он был среднего роста, как вообще все великие люди; был здоров и красен лицом.

В настоящее время его родительница положила бы единородного своего сына на картах бубновым королем.

Всех прочих телесных и душевных достоинств его невозможно передать несколькими словами. Время и подвиги, которые отличают героев и гениев от людей обыкновенных, покажут потомству: кто был барич и как его звали, величали.

Но кто бы отказался взглянуть, как барич едет верхом на Юрке, как на коне Актазе Мстислава Мстиславича, *якого же в та лета не бысть*; как склонилась набок его красивая шапочка, *как злат шелом посвечивая*; как распахнулись узорчатые полы татарского халата; как старый Тир, пестун барина, трух, трух, а инде рысью, следовал за дитятем своим.

Кто отказался бы взглянуть, как *сельский Тивоун*,² заметив издали, что барич

волит тешиться, встречает его у ворот *медовиком*; и как барич подъезжает, останавливает коня и колесницу, принимает от Тиуна и поклон, и кусок медовика и едет далее.

Какой бы любопытный путешественник от стран вечерних, смотря на поезд барича, не составил в уме своем какой-нибудь странной идеи о обычаях Руси?

Что не делают превратные понятия?

Пестун Тир был немного туп от природы.

Минерва никогда не решилась бы принять на себя его наружности, если б боги брали такое же участие в героях Русских, как и в Греческих.

Однако же Тир умел постигать все изречения, волю и приказы милостивых господ своих. Смиренно внимал он словам их, стоя почтительно у дверей.

Восклицания: "*Так, государь, родной отец, так, вот-те бог, так! Так, государыня, боярыня, матушка, вестимо так!*" — дали об уме его выгодное мнение, и Тира определили из дворовых сторожей в дядьки к юному баричу.

На нем-то барич выучился ездить верхом; от него-то наслышался о подвигах Русских храбрых витязей и могучих богатырей; и вот первые впечатления души взросли не годами, а часами, как Боба Королевич, — и сделались великанами впоследствии.

II

Хотя барич был плодом более торгового расчета дедушки, нежели взаимной любви его родителей, но в нем было много особенных качеств, по которым отец и мать предвидят в своем сыне великого человека. Боярин Пута-Зарев умер с уверенностью, что его сын есть надежная, добрая отрасль прославленного в Новгороде поколения того *Лидоблянина*, который вез в город *горнцы*³ и увидел что сверженный Новгородцами в Волхов Перун приплыл снова к берегу, отринул его шестом и рек: "Ты, Перунице, досыги еси пил и ял; а ныне плыви уже проче".

Правдивую повесть о роде Путы-Заревых можно было бы начать от походов Славян с Одином⁴ или даже со времени данной им Александром Филипповичем, Царем Македонским, грамоты за заслуги на владение всею северною землею, даже до границ последних полудня Италийского и до гор Персидских.⁵ Но что баснословно, темно, подвержено сомнениям и не основано на сказаниях письмен герооглифических, символических или рунических, то чистый рассудок отвергает: ему нужна истина — истина неоспоримая, подтвержденная выноскою внизу страницы или примечанием в конце книги.

Начинаю с времен чисто Исторических; даже после того времени, когда Руссы просили помощи у Варягов против нашествия Славян, в исходе IV столетия,⁶ даже позже призвания Немцев Рюрика, Синава и Труара на стол Новгородский.⁷

В 1170 году, когда поднялась вся земля Русская на Новгород и Новгородцы обнесли весь город деревянным тыном, и потом, не усидев в осаде, высыпали из стен, врезались в стан неприятельский, положили часть врагов на месте, другую часть взяли в плен, а третью прогнали — тогда, в числе одного десятка пленных Суздальцев, проданных за одну гривну *Степенному Тысяцкому*,⁸ Коле-Ораю, был Олег Пута.

В древнем Новгороде тысяцкий — помощник посадника, ведавший городским войском и укреплениями, а также судом по торговым делам. Выбирался из бояр

на вече, обычно на год. Посадник — высшее государственное лицо в Новгородской феодальной республике — также избирался вечем. — *А. Б.* }

Он не горевал, несмотря на то, что половина бороды его была вырвана одним новгородским *вершником*,⁹ два пальца на левой руке отрублены другим и из верхней челюсти выбиты два зуба третьим.

"Ничего!" — думал он, ибо был уверен в своей счастливой будущности.

Однажды Тысяцкий Орай воротился с Веча, где *увечали*¹⁰ строить, в честь и память победы, одержанной Новгородцами над соединенными Князьями, храм Знамения Богоматери и положили мир с Андреем Боголюбским.

В светлице стол был уже убран яствами. Жена Орая встретила его в дверях; вся семья собралась; в числе ее заметны были: старушка, помнившая, как Перуна привязали к конскому хвосту и свезли в Волхов, да внучка ее, дочь Тысяцкого, девушка, какой в Новгороде другой не было.

Помолились богу, поклонились низменно образам, а потом друг другу и сели за браный стол молча.

Мир с князем Андреем напомнил Тысяцкому о пленных Суздальцах. Один из них, купленный также за две *ногаты*,¹¹ был не простого рода, не из *смерды*.¹²

Тысяцкий велел его привести к себе.

— А то Суждальцу, каково-ти от хлеба Ноугорочьково?

— Чествую, господине Тысячский, солнце тепло и красно, простре горячую лучю своею и на небозиих, — отвечал весело Суздалец.

— Шо радует ти? Ноугорочьское сердце плакалось бы по воле, яко Израила при Фаравуне Царю Еюпетстем?

— Вольно мне радоватися горю, и я волен! — отвечал Олег Пута.

Веселый взор внушает уверенность. А так как после увечанья Суздальцы вообще вздоржали, то Тысяцкий Орай посадил Олега с собою за стол.

— Испей Волхови! — сказал хозяин, поднося стопу, наполненную Фряжским вином.¹³ Даю тебе волю, иди в Суждаль с богом!

Олег Пута встал, поблагодарил Тысяцкого за милость; но, едва поднес он стопу к устам своим, осененным густыми, черными усами, едва закинул голову назад и приподнял очи, что-то блеснуло перед ним; он остановился, взглянул пристально, еще пристальнее, выпил вино и задумался.

Против него сидела Свельда.

III

Дом Тысяцкого Колы-Орая стоял красными окнами на улицу Щитную, находившуюся на Торговой стороне, в Славянском конце.¹⁴

Плавный Волхов подмывал серебряными струями своими корни столетних лип, принадлежавших к саду, в котором Свельда гуляла или пела с подругами, девами Новгородскими, песни, в посидельнике, построенном на самом берегу реки Волхова.

— О! — сказал Олег в тот же еще день, в который объявили ему волю. — Буря занесла сокола в землю чуждую; испил Волхова, взглянул на Новгородскую деву, и уже крылья его не ширяют!¹⁵ Не хочет он лететь в родную землю!

Чу, красные воспели на берегу светлого Волхова!

Спустившись с широких сеней, по тесовому крыльцу, на зеленый двор, Олег скользнул в калитку, ведущую в градину,¹⁶ между деревьями пробрался он к са-

мому посидельнику.

Притаился за углом в кусте синели и видел сквозь окно ряды дев, занятых рукодельем.

Они пели.

Олег заучил слова; полюбились ему песня:

Чему ты мое веселье

По ковылью веешь?

Чему ты на злак излила

Студеную росу?

Веща душа в дружной теле,

Сглядай мои слезы!

Изрони ты слово злато,

Взлелей мою радость:

Я люблю ти, голубицу,

Жемчужную душу!

Все девы были хороши; а одна лучше всех.

Олег смотрел на Свельду.

Он видел, как жемчужная повязка обняла ее чело; как решетчатая, с вплетенными золотыми тесьмами, широкая коса спускалась до пояса; как *узорок*¹⁷ из голубой цветной *паволоки*¹⁸ пристало к ней; как *кротина рубя*,¹⁹ тонкая, белая, обшитая цветною *бахромю*, прилегла к плечам ее и беспокойно волновалась, когда из белой груди вырывались нежные звуки, а иногда и глубокий вздох; видел, как перловая нить обвивала шею Свельды; а *жуковины*²⁰ с камнями честными светились на маленьких пальчиках; а златокованный пояс крепко, крепко обвил стан ее; а *япончица червленая*,²¹ наброшенная на плечи, скатилась с них; а сафьянные торжокские черевички с тесьмами, как змеи, обвили около малюток ног.

Все это он видел, милые читатели! Как не позавидовать глазам, которые так пристально смотрят на существо нежное, в котором все ново, полно, пышно, таинственно, все невинно!

Злодей! он притаился за кустом! он задыхается от чувств, которых наши прародители не называли просто *любовью*, а почитали внушением божеским или наваждением дьявольским. Горючее вещество, наполнявшее древние сердца, было неутушимо! Впрочем, грех нам завидовать прошедшему: и в нас есть столько готических, патриархальных чувств! Возьмите в пример хоть откровенность.

Светлые струи Волхова уже померкли; только еще на Ильмене было рассыпано несколько лучей вечернего солнца. Красные девушки скрылись из посидельника; рассыпались по тропинкам сада; *ау* переносилось из куста в куст и вторилось в отдалении.

Олег взобрался на холм и прилег на мягкой мураве. Смотрел он на зеркальное озеро, на каменные палаты и многоверхие храмы, на двор Ярослава, возвышавшийся над строениями, на вечерую башню о четырех витых столбах, коей верх уподоблялся древней Княжеской шапке; на *Перынь*,²² обнесенную зубчатыми стенами, на златоглавый новый Софийский собор о тринадцати верхах.

На все смотрел Олег; но видел повсюду только рассеянные свои мысли.

Олег помнит себя отроком, у которого нет ни отца, ни матери, который живет

в глухом лесу, в Божнице, под началом седого, грозного старика, одетого в широкую червленую одежду и покрывающего голову широкою белою попаломою.

Помнит он в Божнице, на высоком стояле, огромного истукана, которого называли Световичем; как у Януса было у него четыре лица; на восход обращено было красное, на север белое, на полдень зеленое, на запад желтое. В одной руке держал он лук и стрелы, в другой медный рог. В ногах у него лежали доспехи и вооружение. Подле стояло знамя войны.

Помнит Олег, что приходящим в храм воспрещалось дышать под казнь сожжения на костре за осквернение храма нечистым дыханием; и потому все поклонники идола, вбегая в храм и прикоснувшись устами к подножию истукана, торопились выйти, чтобы не быть жертвою его. Помнит Олег совершение обрядов, кои состояли в возжени огней в храме, в принятии от поклонников жертв: вина, елея, плодов, рыб, животных и всего, что подавалось идолу от чистого сердца. Помнит, как жрецы пели:

Свете, свете, свете, векожизный!
Укажи ны правду по закону,
Не розвай-се тучею по небу,
Не взмути ны струю сребропенну!
Не губи ны лютою угрозою,
Не сотри шеломы гор зеленых,
Не повеи на вежи огонь и смагу,
Не остри на ны меча карайча!
Выповедай розмысл нам и правду,
Присени ны ризой златотканой,
Усыти на голод жирне-ествой,
Упои ны жажду млеком сладким,
Вечиною твоею нас управи,
Свет, свет, пламень правдовестный!

Помнит Олег, как приготовлялся заблаговременно пирог из *мусты*,²³ величиною с малую келию; как жрец садился в него и, вынесенный Световидовыми *кметами*²⁴ к богомольцам, вопрошал всех: "Видите ли мене?" — "Не видим", — отвечали поклонники. "В ново лето узрите!" Кто желал видеть жреца и не удостоился видеть, тот должен был класть в огромную медную чашу не менее *долгеи*,²⁵ и потому мало было охотников наслаждаться лицезрением Световича, сидящего в пироге.

Помнит он, как по окончании обряда праздника жрецы сносили пожертвованную Световичу пищу и вино в подземельную свою палату, и там, пресытясь и упившись до беспамятства, проводили ночи в песнях и плясках с чужими жрецами, которых привозили на Световидовом белом коне из другого соседнего капища Диды.

Помнит он, что грозный жрец воспрещал ему не только разделять с ними ночные пиры, но даже и быть свидетелем. Это было для Олега хуже всего. Тошна ему стала и пища и жизнь. "Как, — думал он, — не только не давать мне вина, но даже не позволять и взглянуть на жрецов Диды, которые хотя под покрывалом, но должны быть так же молоды, как и я, потому что ни у одного из них не заметно на бороде ни одного седого волоса!"

Таким образом, до юношеского возраста Олег рос как *травя блещаная*,^{26в}

глубине развалин, где ни солнце ее не осветит, ни дождь не освежит; но когда Олег стал уже юношей, сердце его еще более вспыхнуло досадой, и он решился бежать.

За водою, окружавшею со всех сторон лес и капище, ему казалось, было более света.

В одно утро, когда солнце едва только осветило верхи высоких деревьев, окружавших Божницу; когда старый жрец еще покоился после ночных бдений в честь Световича, а два другие привязывали в стояле святых *камней*,²⁷ взмыленных и вспаренных, Олег прокрался вон из подземелья, пробежал чащу леса; перед ним открылась зеленая даль, но под стопами его утреннее солнце играло на зыбком лоне воды. Сердце его забилося, страх овладел душою, грозный голос седого жреца послышался ему. Он бросился в воду. Свет утра, зелень, люди исчезли из глаз; все померкло; холод обдал его; восклицание ужаса как будто потухло, подобно брызнувшей искре.

IV

После сего несколько лет жизни были темны для памяти Олега.

Новое существование, несвязное с прежним, казалось ему яснее.

Олег-юноша, красный собою, живет Стременным²⁸ у Суздальского Воеводы Бориса Жидиславича. С ним идет он в землю Половецкую. В покоренной Веже Тунгу воины привели пред Воеводу чаровницу. Когда бросали ее в погреб, чтоб приготовить между тем костер, Олег заметил во взорах старухи мольбу; она хотела что-то сказать ему. Любопытство подстрекает юношу; он находит случай войти к ней в подземелье.

Старуха начинает ему говорить что-то на Половецком языке.

— Не вем, — отвечает Олег, рассматривая чаровницу, для которой попалома из битой черной шерсти служила вместо одежды ниже пояса, а остроконечная кожаная шапка вместо головного убора; седые длинные волосы были разбросаны по плечам и прикрывали наготу груди; обнаженные руки похожи были на выдавшиеся из земли корни засохшего дерева.

— Не ведаешь языка моего, я ведаю твой! — отвечала старуха. — Час мой приспел; но не умру я на костре. У тебя меч, у меня голова; снеси ее! Не алтын дам тебе, дам зелье Эмшан,²⁹ кто не восхочет вершить волю твою, дай ему поухать зелия, и полюбит тебя и волю твою. Береги про день черный, послужит тебе, да на один подвиг, на одну часть.³⁰ И другому послужит, да не давай ни другу, ни милостивцу, а отдай в наследие сыну, и будет роду твоему часть. Ну, уруби мою голову!

Олег взял у старухи что-то завернутое в кусок толстины,³¹ вынул меч свой, размахнулся — исполнил последнюю волю чаровницы, и вышел из погреба.

Не верю тому, чтоб люди были лучше в старину; но чувствую, что в нашем поколении нет уже того *харалужного*³² терпения, коим вооружались наши предки.

Кто в наше время отложил бы испытание Эмшайа до другого дня? Но Олег, владея сокровищем, похищенным; вероятно, из тайнств Сивиллы, не знал, что с ним делать. Довольный судьбою, он не имел таких желаний, для исполнения коих нужна была сверхъестественная сила.

Зашив зелье в ладонку, он повесил ее на шею, и забыл про зелье.

Прошло восемь лет, в которые Суздаль был прославлен княжением мудрого Андрея Георгиевича. Под его покровом были Киев и Новгород. Андрей мог быть обладателем всех Русских княжеств, но не искал соединения их, и судьба влекла Русь к бедственным векам междоусобий и унижения, изглаженных также веками.

В эти восемь лет Олег был свидетелем кровавой войны с Киевским князем Мстиславом Изяславичем. Андрей восстал на него, и соединенные полчища Переяславля, Смоленска, Вышгорода, Овруча, Дорогобужа, земли Северской и Суздаля, под предводительством Мстислава Андреевича, окружили Киев, побили слабых защитников его, подкрепленных союзом с Волынянами, Торками и Берендеями, взяли город, и Мстислав Киевский скрылся в Волынь.

Помнил Олег, как неистовства соединенной рати превзошли всю меру бесчеловечия над жителями покоренного Киева.

Сердце Олега облилось кровью.

Припомнил он и последнее восстание Андрея на Новгород. Судьба отмстила за Киев. Мстислав, испивший шлемом Днепра, не утолил жажды в Волхове.

Воины 72 князей, соратаев его, пали под стенами Новгорода, а Олег Пута, Стремленной суздальского воеводы Бориса Жидиславича, взят в плен.

— А за что? — вскричал вдруг Олег. — За то ли, что в Киеве хромому старику я спас костыли? Что малому ребенку выручил два сосца его из рук воев? Что старой бабе отстоял припечку? Что мой меч урубил шею сопелку Половецкой чаровнице?

"Ау!" — раздалось близ Олега. Он вздрогнул.

Что-то защелкало, зажгло около сердца, как будто; залетевший под одежду черный, рогатый жук. Олег схватил рукой, ощупал: это была ладонка.

Сорвал ее.

Слова песни: "Я люблю та голубицу, жемчужную душу" — повторились в памяти его. Сердце забилося сильнее. Он припомнил слова чаровницы и раскрыл ладонку.

Зеленая травка, как будто только что сорванная, развернулась, запах коснулся обонянию. Олег громко чихнул.

— Во здравие! — раздался подле него приятный голос. Это была Свельда.

Пробегая мимо, она заметила Олега; разговоры с самим собою показались ей чудными; она остановилась и видела, как он раскрыл ладонку и вынул из оной листок. Любопытства девушки нельзя ни с чем сравнить.

— Что то, Суздальцу? — спросила она.

— Поухай, Свельда, люби Олега! — отвечал он и приблизил зеленый листок Эмшана к устам ее. Запах коснулся до чувств девы; взор ее быстро поднялся на Олега; она чихнула, румянец вспыхнул на щеках; она хотела что-то сердито сказать — не могла; хотела побежать — не могла.

— Полюби Олега, Свельда, будь ему женою!

Свельда опустила очи в землю и молчала.

— Изрони же слово злато, взлелей мою радость!

Свельда опять подняла очи.

Олег взял ее за руку.

Обнял.

Свельда как глыба пламени оторвалась от пожара и исчезла в кустах.

Олег глубоко вздохнул. Взор его остановился на том месте, где не стало

видно Свельды.

Громкие приближающиеся *ау* подруг ее вывели Олега из забвения.

День потух.

V

Как провел Олег время от захождения до восхождения солнца, после подобных неожиданных происшествий? Спал он или нет? Это трудно решить в том веке, в котором в чувствах нет счастливой умеренности, в котором или *нет ничего*, или *через чур* губят взаимные радости и довольствие участью.

— Он не должен был спать, — скажут мне юноши и девы.

— Первый миг блаженства слишком полон, чтоб не волновать души и крови!..

— Слишком пламенен, чтоб не сжечь собою спокойствия!..

— Слишком сладок, чтоб забыть его для бесчувствия!..

Может быть.

В том климате, где воздух не может быть чистым без грома и молнии, нужны бури.

Но есть сердца, похожие на вечную весну Квито.

Улыбка их не есть дитя порывистых чувств; в них она есть постоянно голубое небо.

Питательная роса заменяет *ливень*.

Эта роса есть слезы умиления.

Бесчувствует ли сон? — Я не знаю.

Но мне памятно, как в счастливые минуты жизни сон носил меня по будущему блаженству и довременно лил в меня наслаждение.

Помню, как в скорбные минуты Жизни сон бросал меня с утесов, топил в море, давил мою грудь скалою, водил меня по развалинам и кладбищам и поил ядом.

Это помню я и не знаю, бесчувствие ли сон или невещественная жизнь, основанная на радостях и печалях сердца, на ясности и мраке души?

Впрочем, как не назвать Олега бесчувственным?

В течение нескольких мгновений, влюбленный и уверенный во взаимной любви, он спит, полагаясь на весь мир, как на каменное свое сердце.

Настало утро; первое светлое утро после пленения Олега Путы.

Он проснулся.

Выглянул весело в оконце; на золотом кресте Софийского собора, видного из-за домов, солнце уже играло. Перекрестился, начал день с богом, и пошел к хозяину поблагодарить за спокойную ночь; ибо добрый Тысяцкий, полюбив Олега и узнав, что он был Стременным Суздальского Воеводы Бориса Жидиславича, обходился с ним ласково и уложил спать как гостя.

— Ну, радуйся со мною *праздному* дню моему! — сказал Тысяцкий, когда Олег вошел к нему. — По вечерам дочь моя, Свельда, размыкала девичью волю; на утрие снимет крылья и наденет злато ожерелье.

Не кори меня, господине богу милый читатель, за то, что я не везде буду говорить с тобой языком наших прадедов.

И ты, цвете прекрасный читательница, дчь³³ Леля, тресветлое солнце словотцою! Взлелеял бы тебя словесы Бояновы, пустил бы вещие персты по живым струнам и начал бы старую повесть старыми словесы;³⁴ да боюся, *уноест твое*

*сердце жалобою на меня, и ты пошлешь меня черным вранам на уедие.*³⁵

В продолжение сих добрых повестей моих к читателю и читательнице Олег молчал. Тысяцкий Орай продолжал:

— Дело слажено, люди отслушают заутреню, придет красивый сын Частного Старосты³⁶ Яний, покажу ему невесту, не откажется!

Олег молчал.

— Повидишь жениха Свельды, похвалишь!

Олег смотрел на тесовый резной потолок и молчал.

— Видел дочь мою Свельду? а? милость!

Олег опустил взоры на полицу, потом на оконце, потом в землю и молчал.

— Суждальцю?

Олег поднял взоры на Тысяцкого и молчал.

— Чему не вечаешь? не смиляешься радованию моему?

— Господине мой, помилуюся ли повести о сетовании и скорби моей! — произнес Олег печально.

— Желает нелюбия? — сказал сердито Тысяцкий.

— Желая веселия, — отвечал Олег. — Да не то замыслило сердце мое... Свельда...

— Ну! — громко произнес Орай и встал с места.

— Невеста моя!

Тысяцкий разгладил уже с досады бороду, опустил обе руки за шитый сухим златом кушак, что-то хотел говорить, но взглянул на Олега и захохотал.

Олег, протянув руку, подносил к носу Тысяцкого зеленый листок.

— Нет веры! поухай! — произнес Олег. Запах цветка коснулся обоняния Тысяцкого. Он чихнул.

— Свельда моя? — спросил Олег.

— Правда! — отвечал Орай, запинаясь и смотря с удивлением на Олега.

— Свельда моя? — повторил Олег.

— Твоя! — отвечал Орай задумчиво, как будто припоминая странный сон, в котором он видел дочь свою Свельду, сосватанную за Яна, сына Частного Новгородского Старосты.

Олег обнял будущего своего тестя. Потом будущий тесть обнял нареченного своего зятя и повел его в *мовню*³⁷; из мовни в свою ризницу. "*Слюбное емли!*"³⁸ — сказал ему и дал шитый сухим златом кожух и соболью шапку с золотою *ужицей*.³⁹

Когда Олег кончил свой наряд, Орай любо взглянул на него, обнял еще раз и сказал:

— Заутра *смильный* день!⁴⁰

И Олег еще раз обнял будущего тестя своего и поклонился ему в землю.

VI

Рассмотрев все летописи, простые в *харатейные*,⁴¹ все древние сказания и *ржавые Ядра Истории*,⁴² я не нашел в них ни слова о событии, которое предаю потомству.

Это упущение особенно должно лежать на душе Новгородского летописца.

Верно, какая-нибудь личность с кем-нибудь из рода Пута-Заревых!

Но оставим изыскания. Читатель не может сомневаться в справедливости